

КОНСТАНТИН СКУФЫН

СРЕДИ СНЕГОВ И ВОД ВЕСЕННИХ

ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1928 ГОДА

Март 1928 года в Воронеже не торопился. Уже апрель на носу, а снеговой покров хотя и осел заметно, но ещё не прохудился даже на южных склонах оврагов, и только в городе дороги потемнели, а местами и пожелтели от проявившихся следов накопленного за зиму конского навоза. Горожане не без ленцы ещё начали разбрасывать лопатами снеговые валы вдоль тротуаров. Повсюду оживление ворон, галок, грачей и особенно многочисленных воробьёв, осаждавших кроны вязов, которые росли вдоль чугунной ограды Кадетского плаца. Мы, первокурсники естественного отделения педфака Воронежского университета, коротали здесь на свежем утреннем воздухе время, пользуясь тем, что звонок на занятия будет слышен и тут. Скоро начнётся лекция зоолога Константина Карловича Сент-Илера. Вот и звонок. Все побежали. Нас около пятидесяти – всё больше студентки, ребят, пожалуй, человек восемь-девять, не более.

После лекции профессор Константин Карлович попросил меня зайти в его кабинет и, усадив в стоявшее около его рабочего стола кресло, сел сам, снял пенсне, протёр от мела, запылившего стёкла, опять надел и как-то особенно пристально, целую минуту, смотрел на меня.

– Да вот, Костя! – сказал он наконец. – Как вы отнесётесь к тому, что я попрошу вас принять участие в небольшой экспедиции по изучению всех условий жизни животных, обитающих в Донской пойме? Я вижу – юноша вы крепкий и наукой интересуетесь по-настоящему. Думаю, что вы справитесь. Работа займёт недели две. Жить и питаться за счёт кафедры будете на лесном кордоне. Компаньоном вашим будет наш препаратор Вася. Вместе с ним будете вести наблюдения в пойме вот по этой программе. Возьмите её, просмотрите дома, а завтра сообщите своё

решение. Имейте в виду, что на первый день я поеду с вами и на месте покажу, как и что делать. Поняли?

Меня так и обдало радостью с головы до пят – наконец-то я буду не только изучать науку, но смогу что-то в ней сделать, и я сразу ответил согласием. Всё было сказано профессором чётко и ясно. Были названы день и час отправки из помещения кафедры. Я сразу пошёл в отгороженную деревянной стенкой небольшую комнату, точнее каморку, где хозяйничал Вася, добывавший для учебных занятий лягушек, раков, улиток, ракушек, дождевых червей, пиявок, а также изготовлявший чучела птиц, зверей, ящериц и даже рыб с большим при этом мастерством. Вася – смуглый коренастый парень с тёмными, почти чёрными волосами, какие нередко встречаются в подворонежском селе Боровое, где он и проживал. Сызмальства привык он к лесу, к речке Усманке, был заядлым рыбаком и охотником, неплохо знавшим биологию лесных зверей и птиц. В дальнейшем выяснилось, что он уже несколько лет работал на кафедре и здорово поднатерел в добывании всего живого, что ему поручалось. Вообще же он оставался истинным крестьянским сыном, как бы с лукавинкой и себе на уме. Отнюдь не романтик, он относился к природе, как к своему подворью в Боровом, искал в ней не красоты, а чего-либо полезного себе лично. Впрочем, к порученному делу он относился добросовестно, да и местом своим дорожил. С ним я договорился о том, что взять с собой в поездку и как одеваться.

В день отъезда, первого апреля, погода с утра была пасмурной, с лёгким утренним туманом и температурой около нуля. Когда я пришёл на кафедру, Вася под надзором профессора, одетого в походную, выдавшую виды кожаную куртку, уже кончал упаковку трёх рюкзаков, нескольких ящиков и двух

корзин с инструментами и припасами. Спустились все трое с рюкзаками, оставили профессора у парадного подъезда, а сами стали перетаскивать ящики и корзины. Через пять-десять минут подъехали сани, а в них мужик лет шестидесяти, худощавый, с рыжеватой-седой бородой, в нагольном потёртом полушубке и каком-то старом малахае из собачьего меха. Профессор со свойственной ему уважительностью поздоровался за руку с мужиком, назвав его Трофимом Петровичем. Мы с Васей уложили вещи в сани, а Трофим Петрович тщательно крепко-накрепко увязал их толстой верёвкой, оставив нам места, умягчённые сеном. Все сели. Профессор спросил Васю, всё ли уложено. Пару минут все молча сидели, а затем двинулись по Студенческой улице мимо Кадетского плаца к Задонскому шоссе. Проехав завод имени Коминтерна, где тогда кончался город, свернули направо вниз по лесной дороге и переехали через крепкий ещё лёд на реке Воронеж. Дальше путь пошёл по воронежскому левобережью мимо сёл Масловка, Боево, Таврово. Про последнее село профессор сказал, что при Петре Первом там была большая верфь и строился первый в России флот, а село это было тогда же основано и заселено крепостными крестьянами из Московской и Рязанской губерний, а отчасти и уголовниками из тамошних тюрем.

Вскоре дорога повысилась и пошла вдоль основных, ещё молодых насаждений; проехали маленькую деревеньку Тарабаровку, состоящую из одного ряда крытых соломой изб, расположенных на краю спуска в пойменную долину Дона, занятую здесь широколиственным лесом. Дорога поднялась ещё выше, лес отступил, и, наконец, развернулась широкая панорама донской поймы, принимавшей в себя близ Таврово тоже не узкую, километра в два, пойму реки Воронеж, белевшую ещё не тронутыми теплом чистейшими снегами. Напротив, километрах в четырёх, возвышался правый высокий берег Дона, увенчанный крупным селом Борщёво, слитно темневшим вдаль – вид величественный и покорявший своими необычными масштабами, диковинными для жителя в общем-то плоского или слабо холмистого Черноземья. Профессор остановил сани, мы вышли, разминая затёкшие ноги, и он стал объяснять, в основном мне, где и что видно. Проехали ещё метров двести через сосняк, и дорога пошла резко вниз, в поперечную балку, где накопившийся глубокий снег, пропитанный талой водой, заставил совершить сложный объезд по крутогорам. Мы все, кроме Трофима Петровича, сошли и пошли следом. Сани шли в раскат, временами сильно кренились из стороны в сторону, так что стала понятной тщательная увязка

Научные экспедиции всегда занимали важное место в деятельности профессора К.К. Сент-Илера. Во время экспедиции на Белом море. 1921 год

нашего багажа. Поднявшись наконец наверх, увидели и сам кордон – крепкий, крытый железом дом с пятью окнами по фасаду, отгороженный двором. Мы распростились с Трофимом Петровичем, жителем, как оказалось, Тарабаровки, и направились в дом, искоса посматривая на рвущуюся с цепи крупную лохматую собаку.

Лесника дома не оказалось; дома была его жена Серафима Тихоновна, как её назвал профессор, и два белокрысых мальчугана лет пяти и семи. Хозяйка встретила нас приветливо, сразу определила, куда и что положить, отвела профессору небольшую комнату с кроватью, столом и несколькими венскими стульями, специально предназначенными для гостей или лесного начальства. Мы привели себя в порядок, умыли раскрасневшиеся от четырёхчасового пути лица, выпили по кружке пенистого деревенского кваса. Профессор пригласил нас с Васей в свою комнату и расстелил на столе большой план Жировского леса, как называлась эта местность, где сливается Дон с Воронежем. Пошёл длинный разговор, где и что на плане, где основные точки или станции

для наблюдений, где проходить продольные (вдоль поймы) и поперечные маршруты, что наблюдать и измерять, как записывать. Тут у Серафимы Тихоновны и обед подоспел, время было около полудня. На стол были выставлены солёные капуста и огурцы, в тарелки налита уха с варёной рыбой, а на второе последовала жареная на постном масле картошка и в заключение – превосходные мочёные яблоки. Стоял Великий пост; соответственно и в нашем багаже, как потом оказалось, съестные припасы, кроме сахара, конфет и халвы, ограничивались рыбными консервами, копчёной каспийской сельдью да вяленой таранкой. Были, конечно, и хлеб, и связки баранок. Профессор, хоть сам и не придерживался поста, но считал, что за одним столом не подобает дразнить постящихся видом мясных продуктов. К удовольствию детишек, на столе не замедлили появиться и наши городские гостинцы.

После обеда был объявлен выход на экскурсию. В первую очередь достали из багажа резиновые сапоги, довольно громоздкие и очень тяжёлые. Отправились налегке, взяв с собой только блокноты и карандаши, а у профессора на груди висел полевой бинокль. Мне ещё была вручена на вид старинная подзорная труба, как потом оказалось, высокого качества. Спустились вниз с откоса и повернули влево, то есть вниз по течению Дона. Дальше дорога, мало езженная, пошла низом вдоль береговой террасы, у подножия которой располагалась цепь пойменных озёр продолговатой формы, соединённых между собой общей протокой, обозначенной высокими желтовато-бурыми зарослями тростника и рогоза. Озёра были разными по размеру: одни с полкилометра длиной, другие с сотню метров, не больше, одни сильно заросшие по берегам лесом, видимо, летом тенистые, другие – более открытые. Всю эту цепь озёр профессор назвал Кременчугским ожерельем по названию центрального, наиболее затенённого озера изумительной красоты с кристально прозрачной, по уверению профессора, и холодной из-за многочисленных ключей водой. Все озёра этой цепи проточные. Прошли всю цепь, и далее в добром километре от нас развернулось обширное пойменное озеро Погоново – продолговатой формы, километра на полтора длиной, всё открытое, безлесное. Нам было сказано, что вода в нём летом более мелкая и мутноватая, зато более тёплая и богатая рыбой, особенно линиями и лещами. Там лов ведёт специальная артель рыбаков. И действительно, когда я приладил к глазам подзорную трубу, то увидел на плоском берегу группу из 10–15 тёмных фигур, занятых растягиванием большого невода. Отсюда мы пошли назад, прошли мимо кордона, мимо широ-

кого устья оврага, на вершине которого он стоял, и дальше вдоль склона по утоптанной в снегу тропе. Было сыро, и без резиновых сапог было бы не пройти. Профессор обратил наше внимание на высокие стройные ясени, клёны и дубы, стоявшие с предельной густотой. Их стволы и часть крон внизу были оплетены диким хмелем. Всюду густой подлесок и заросли кустарников, не позволявшие отойти свободно от тропы, да и снег там проваливался так, что сапог потом не вытащишь. Было тихо, только тренькали зяблики, тоненько звенели синицы, а сверху, где с лиственным лесом граничил сосняк, был замечен спорух двух тетёрок. Прошли ещё километра полтора, обзор расширился, появилась довольно крупная округлая поляна, так называемая Киселёвская. Ещё с полкилометра пути – и к дороге приблизился замёрзший Жировский ручей, текущий к Кременчугским озёрам, а затем появилась ещё более обширная поляна, Жировская, как назвал её профессор. Он заметил, что в мае обе поляны покрываются цветущим ковром высоких трав, и они будут гудеть от обилия разных насекомых.

– А пока, – сказал профессор, – посмотрите, Костя, на это царь-дерево.

И действительно, в стороне от дорожки, метрах в двухстах, стоял патриарх Жировского леса, огромный тополь с правильной, раскинувшейся вширь кроной. Когда мы добрались до него по глубокому снегу, профессор предложил взяться за руки всем троим и попытаться обхватить ствол патриарха, что мы и сделали. Оказалось, что надо было бы прибавить и четвёртого, и то останется пяди две или три.

Пройдя ещё пару километров по лесу, повернули вправо и поднялись на террасу, где взору открылась широкая панорама, блиставшая в лучах проглянувшего солнца. Профессор показал на стоявшее высоко село Таврово, а за ним виднелся Красный Яр – наиболее высокая часть правого берега Вороняжа, где в давние времена стояла высокая деревянная вышка и сторожевой пост высматривал в степных даях за рекой появление кочевников-половцев, а потом и татар, зажигая как сигнал приготовленную бочку со смолой.

Вернулись на кордон поздно, уже темнело. Все порядком устали, а я особенно, и не столько от многодневного похода в тяжёлых резиновых сапогах, сколько от обилия новых ярких впечатлений. Нас встретил вернувшийся с дальнего обхода лесник, не по должности узкоплечий, с небольшой рыжеватой бородёнкой и голубоватыми глазами, в форменной потёртой одежде. Он представился Леонтием (все местные произносили Левонтий). Вечером, после доброго ужина пошли долгие разговоры с Леонти-

Еще одна научная экспедиция завершена. К.К. Сент-Илер (крайний справа) со студентами возвращается домой. 1914 год. Идет война. Сообщение с Петроградом прервано, идут пешком через Карелию

ем, его семьёй и зашедшим на огонёк Трофимом Петровичем. Помнится, всё больше говорили об особенностях прошедшей зимы, о небольшой волчьей стае, промышлявшей по овчарням Гремячего и других сёл, а прошлой ночью утащившей пару овец из Тарабаровки, о ходе подлёдных рыбачьих дел на Погоновом и в Кременчугах, о начале прилёта уток, о пролёте гусей и других подобных событиях. Только потом, много позже, я оценил умение профессора избегать щекотливых тем, так и вязнувших тогда, в конце НЭПа, на зубах всех крестьян, и особенно крепких старательных хозяев, уже чувствовавших дуновение иных, более жёстких ветров эпохи. Когда разговор начинал склоняться в эту сторону, профессор сразу задавал какой-нибудь новый вопрос о природных явлениях донской поймы. В более многолюдных экспедициях, в которых мне позднее довелось участвовать, он просто вводил в список общих правил требование не поднимать споры о политике и строго следил за этим. Я думаю, что благодаря такой осторожности он сохранил себя на зыбком отрезке жизненного пути. Да и себя ли только?

На другой день рано утром на тех же санях приехал Трофим Петрович и забрал нашего профессора, спешившего на лекцию, а мы с Васей отправились по поперечному маршруту выполнять программу. Для чего первым делом, обернувшись спиной к пойме, прошли с километр по снегу до открытого плоского поля, где Вася воткнул заранее приготовленную палку с привязанной на конце красной лен-

точкой. Эта вешка обозначала первую станцию. Затем измерили с помощью анемометра направление и скорость ветра, а металлическим штырём с делениями – глубину снегового покрова в нескольких местах вокруг палки. Согласно программе определили в этих же местах структуру снега, его плотность, зернистость, чистоту и характер поверхности, наличие на ней органических частиц от растений, как, например, серёжек ольхи или берёзы, хвоинок, коконов насекомых, а также мелких живых насекомых и паучков. Не забыли посмотреть на небо, но птиц пока не было. Удалось при прояснении неба и заструившемся сквозь белёсую кисею солнечном свете услышать только залиvistую песенку жаворонка, полностью скрытого в вышине.

Закончив работу на поле, которая заняла более часа, пошли по своим же следам назад, к пойме и аналогичным образом заложили вторую станцию среди соснового леса на надпойменной террасе. Вроде бы тот же снеговой покров, но, удивительное дело, когда мы стали измерять его, описывать структуру снега по программе, всё оказалось иным, чем в поле, и записывать было страшно интересно. В кронах сосен отметили пение двух видов синиц и овсянок, а в вышине – стук дятла по стволу. В одном месте на снегу я набрёл на кучу пустых сосновых шишек, и Вася сказал, что это кузница дятла. Здесь он обрабатывает шишки, принесённые со всего участка, на котором кормится. Стволы, нагреваемые, хотя и рассеянными, но несущими весеннее тепло

солнечными лучами, уже успели образовать вокруг своего основания проталины в форме воронок. Мы принялись измерять диаметр и глубину пятидесяти воронок вокруг поставленной вешки. В некоторых немногих пока воронках на дне уже обнажилась земля, прикрытая хвоей. Отмечали их долю. Спустившись вниз, мы вошли в высокоствольный лиственный лес, где воткнули третью вешку, и опять-таки при внимательном измерении и описании снегового покрова и воронок всё оказалось другим, отличным. Когда работа шла к концу, наше внимание привлёк шум полёта и особое по своей мощи карканье, которое могло бы показаться зловещим, если бы не обилие льющегося сверху неиссякаемого полдневного света. Вскоре мы увидели, как иссиня-чёрный ворон хлопотал с ремонтом большого гнезда из хвороста, прилаженного к вершине дуба.

Подоспело время подкрепить свои силы, что мы и сделали, присев на толстый ствол поваленного бурей дерева; вскрыли банку с судаком в томате, добавили по две крупных картофелины в мундире, запили всё хлебным квасом. Хорошо, что подзаправились, так как пришлось идти далеко, до середины широкого луга, равномерно покрытого снегом. Там была заложена четвёртая станция, а через километр ходу и пятая – на более возвышенной полосе, так называемом гребне поймы, поросшем ивняком, и, наконец, шестая, на другом берегу Дона, на очень неудобном для работы безлесном крутом склоне под селом Гремячье.

На следующий день, который оказался пасмурным, даже снежок понемногу мёл, продолжалась закладка станций продольного маршрута. Первым делом отправились к озеру Погоново, обошли его слева и попали в высокие заросли чёрной ольхи, где и остановились для работы. Вася обратил моё внимание на характерные заячьи следы, в которых отпечатки задних лап располагались впереди передних, заметив при этом, что следы свежие, не успели сгладиться идущим снегом. А вскоре увидели, что к этим следам присоединилась вытянутая в струнку цепочка лисьих следов. В чёрной густоте кустарника показалась и сама лиса. Всю эту природную графику и её финал в кустарнике я постарался перенести в свой блокнот.

Вторая вешка покраснелась у места впадения Жировского ручья в систему Кременчугских озёр, а третья – на середине Киселёвской поляны, где в условиях кругового охвата лесом, а отсюда затишья и задержки весеннего тепла, снеговой покров заметно осел, стал грубее, его поверхность приобрела пластичную, а под ней и зернистую, или фирновую, структуру. Естественно, что на самой поверхности

успел образоваться тонкий слой мягкого снежка, который позволил при повторном посещении этой поляны увидеть многообразные запутанные цепочки следов преимущественно ночной жизни мышей, землероек и ласок. Разобраться в следах без Васи я не сумел бы, зато старался всё зафиксировать на бумаге. Четвёртую вешку мы поставили вблизи тополя-патриарха, причём так, чтобы можно было наблюдать за колонией серых цапель, располагавшейся неподалёку. Они вскоре должны были прилететь. Между тем мы устали и есть захотелось, но присесть было негде; что-то жевнули на ходу и отправились по притеррасной тропке к Таврову, где заложили последнюю, пятую, станцию.

На моих от отца оставшихся карманных часах фирмы «Павел Буре» было около четырёх часов, и мы решили закусить поосновательнее. Нашли сваленную ветром осину, натаскали сухого хвороста, чтобы разогреть рыбные консервы. Мой Вася что-то мнётся, потом говорит, что спички забыл, но не беда, сходит в Таврово и купит, магазин там есть. Вернулся он не скоро, хотя и разгорячился от быстрой ходьбы. Мы развели костерок, вскрыли банку. Смотрю, Вася достаёт из сумки кольцо узкой полукопчёной колбасы, фунта на полтора. Я понял, что есть рыбное ему порядочно прискучило и он сочинил предлог – «спички забыл». Я несколько замаялся, можно ли есть колбасу в Великий пост. Как-то неудобно перед хозяевами. Ведь запах колбасы заполнит всю избу, а съесть всю – много. На это Вася возразил, что поедим всё без остатка, да и деньги на пополнение наших запасов профессор оставил. Подождав, когда костёр перестал дымить, Вася ловко нарезал колбасу на небольшие куски, нанизал их на измеритель снегового покрова и поджарил их на углях; получилось что-то вроде шашлыка. Конечно, он оказался прав – ничего не осталось. Я стал тревожиться, что снегоизмеритель закоптился, но Вася его отчистил фирновым снегом так, что лучше некуда. Вроде всё в порядке, но у меня где-то внутри осталась некая заноза. Ведь об этом пире на вечернем чае умолчим, и, следовательно, рождается хотя и маленькая, но обособица, и не из лучших.

Ещё дней пять или шесть ходили мы по проложенным маршрутам, вели наблюдения и измерения в условиях однообразной пасмурной погоды. Однако весна брала своё. Ближе к полудню всё заметнее пробивался рассеянный солнечный свет, снеговые воронки вокруг стволов расширялись и углублялись до обнаженной земли. На южных гремяченских склонах появились проталины с желтовато-зелёной травкой. Это потребовало от нас измерить их площадь, собрать на них мелкую живность и уложить в

пузырьки с фиксирующей жидкостью. Всё труднее при переходах стало преодолевать низины, заполняемые скрытой под снегом водой; шагнёшь – и нога проваливается выше колена. По совету Лукича, палками, на которых сделали метку на высоте наших сапог, предварительно разведывали свой путь.

Усилился пролёт уток, гусей и лебедей. На озерах появились чирки, в лесу – вальдшнепы. А один раз, перед вечером, мы уже были на кордоне, Леонтий открыл дверь и крикнул нам:

– Идите скорее! Журавли летят!

Мы выскочили – кто в чём был. Смотрим, действительно, летит треугольником стая на большой высоте, но протяжно курлыкающий и какой-то грустный слегка звук можно было явственно услышать. Стая летела на юго-восток и вскоре скрылась в уже темнеющей половине неба.

На вторую неделю нашей здешней жизни весна решила выпустить в свою затянувшуюся игру с зимой главный козырь. Резко потеплело, всю ночь шёл дождь при тёплом южном ветре. Руслу Дона и Воронежа покрылись поверх снега водой, но синеватый лёд такого своеволия родной стихии не потерпел и вздулся, оголённый и изборождённый трещинами. Ходить по нему было небезопасно. Фронт нашей работы сузился. Мы как бы выхватывали то на снегу, ещё уцелевшем кое-где, то на льду ту или иную станцию, стремясь их всё же описать. А ещё дня через два мы проснулись утром от грохота. Леонтий сказал, что пошла низовая донская вода и залила всю пойму, ломает теперь лёд на обоих руслах. Одевшись и выйдя на берег, мы мало что увидели: стоял непроницаемый туман, и лишь внизу можно было видеть тропинку, спускавшуюся к стволам деревьев, на сажень и более покрытых водой – мутной, пенистой, с небольшими плавающими кусками грязных льдин, круживших на одном месте. Тут же, у уреза воды, скопилась шевелящаяся масса разной растительной ветоши, успевшей уже выбраться на берег и образовать целую кайму, пополняемую каждым ударом мелких волн. От тумана несло холодом, сыростью, слышались непонятные шорохи какой-то таинственной работы, невольно рождающей тревогу. Через пару часов туман рассеялся. Вся грандиозная панорама Жировского леса, доселе блиставшая снежной белизной, теперь была покрыта серовато-мглистой пеленой взбаламученной водной стихии, беспокойной, волнующейся под действием пронизывающего ветра, различных по скорости и направлению широких водных струй, несущих и отдельные большие, как наш университетский плац, льдины, ещё покрытые снегом, а то и смытые с берега копны сена, вымытые с корнем

деревья, ошметки камыша с болот, какие-то ворота и даже деревянную баньку, снесённую из залитой половодьем деревни. Приглянувшись к льдинам, плывущим обособленно, можно было усмотреть, что их движение подчинялось двум противоположным по направлению медлительным, но мощным течениям – верховому воронежскому и низовому донскому, каждое из которых давало по бокам ближе к берегу свои противотечения. Поскольку встреча двух противоположных потоков всегда рождает на стыке коловращательное круговое течение, многие льдины сравнительно быстро вращались. Посмотришь, сначала льдина вращается по часовой стрелке, затем останавливается, как бы задумывается, и начинает кружиться в противоположную сторону. Поэтому, несмотря на редкость льдин, они время от времени сталкивались друг с другом, показывая как будто свой лихой нрав. Часами можно было смотреть эту полную жизни картину, но надо было и программу выполнять. Быстро вернулись домой, и я разыскал оставленную профессором скопированную на кальку схему поймы в районе Жирова. Вдвоём с Васей вытащили мы столик и пару стульев, поставили их на самое высокое и открытое место, расстелили на столе схему, совместив с помощью компаса направление схемы с направлением самой поймы в природе. Следя за льдинами в бинокль, Вася определял направление течения в том или ином месте, а я отмечал его стрелкой на схеме. Вскоре выяснилось, что получается точнее, когда каждый из нас смотрит и в бинокль, и в трубу, да ещё и поспорит друг с другом. Словом, семь раз отмерь, один раз отрежь. Далее программа требовала более серьёзного описания самих течений и их противопотоков, для чего надо было отправляться на саму пойму.

На следующий день погода была более ясной, но продолжал дуть довольно свежий ветер. Мы добыли две лодки. Одна была обыкновенной двухместной плоскодонкой, вторую, узкую и длинную, выдолбленную из цельного ствола дуба, потемневшую от времени, хотелось бы назвать старинным рыбацким чёлном. Обе лодки приводились в движение одним большим веслом с кормы – на мелком месте толканием в дно, а на глубине загребанием назад и в сторону. Каждая из лодок имела свои достоинства и недостатки. Плоскодонка была тихходна, зато устойчива в работе и при переходах в ней с места на место. Чёлн шёл быстро, но при неосторожном движении легко мог перевернуться вверх дном, а уж поменяться местами в нём была целая проблема. При движении на мелководье у берега Вася предпочитал плоскодонку, а в дальний поход на ширину поймы – чёлн, где его порядочно покачи-

вало волнами, заставляя сжиматься моё сердце. Непривычен я был к водной стихии, не рыбачил и купаться в реке начал поздно, с 15 лет, – не разрешали родители, потерявшие сына (моего старшего брата), утонувшего в нашей елецкой Быстрой Сосне. Всё же виду я не показывал и взял на себя всю дальнейшую работу. Это отвлекало и успокаивало. Прежде всего начал измерять скорость течения тахометром, температуру воды – особым термометром, опускаемым с помощью шнура на определённую глубину, и прозрачность, а также цвет воды – с помощью белого диска, погружаемого в воду. Всё это повторялось в разных местах поймы, в струях и потоках разного направления. Особое внимание уделялось переносу вешними водами наземных животных, чаще всего разных насекомых, плывущих по поверхности. Их я собирал с помощью сачка и, поместив в пробирку или баночку вместе с этикеткой, опускал в большую банку с фиксатором. Аналогичным образом, идя по берегу, ворошили кайму ветоши, извлекая из неё всё живое. Любопытно было наблюдать крупных водяных полёвок или водяных крыс, спасавшихся от мощных потоков на любой возвышенности над водой, на скоплении мёртвого тростника и камыша, на наклонных стволах и ветвях полузатопленных деревьев – иногда до десятка и более плотно сомкнувшихся особей, представлявших довольно жалкую картину. В подобной ситуации было отмечено несколько выхухолей. Когда мы подошли к гребню поймы, появились небольшие островки величиной, пожалуй, с деревенский двор, омываемые со всех сторон потоками. Тут можно было встретить целый мирок спасающихся мышей, полёвок, землероек, иногда и ежей. Один раз среди тёмных ветвей мелькнула рыжая спина лисицы. Вася быстро схватил рыбацкий подсак на длинной палке, задумав её поймать, но куда там, лису не проведёшь: как молния сверкнула она на тёмном фоне кустарника – то в одном месте, то сразу в другом, противоположном, и, в общем, ничего не вышло. А ещё на совсем крошечном островке заметили приникшего к земле среди кустов зайца-русака, уши которого были прижаты к бокам и часто-часто дрожали. Вася схватил его руками и положил в мешок на дно лодки. Когда на обратном пути мы выбрали место, где бы закусить, Вася повёл разговор, что неплохо было бы зажарить нашего зайца на костре. Хотя я ни разу не кушал зайчатины и было любопытно её попробовать, всё-таки задумался: как же так, дед Мазай у Некрасова отпускал зайцев на волю, да ещё целую вагату, а мы и одного отпустить не можем. Не без некоторых препирательств, но Вася уступил мне – как-никак я был старшим по науке. Когда нос лодки уткнулся в

берег, я с радостью выпрыгнул с мешком и, отойдя на несколько шагов, выпустил зайца, который сначала опешил и прижался к земле, дрожа ушами, но потом вскочил и быстро запрыгал по направлению к сосняку, где и скрылся.

Наконец настало время, когда мы должны были подвести итоги и составить отчёт по экспедиции, чем я и занялся. Вася же в это время предался своей рыболовной страсти, в чём вполне преуспел, заготовив для своих домашних солёных сазанов и сомятины.

Эти последние дни были солнечными и тёплыми; всюду журчали ручьи, стекавшие с террасы в пойму. Я выкраивал пару часов в день и обследовал большие зеленеющие проталины посередине Киселёвской и Жировской полян, чего мне не хватало в отчёте. На этот раз я действовал в одиночку и, то ли шумы лесные лучше улавливались, то ли вообще за эти тёплые дни они возросли многократно, но мне пришли на память некрасовские строки: «Идёт-гудёт Зелёный Шум, Зелёный Шум, весенний шум!»...

Накануне отъезда вечером Серафима Тихоновна угостила нас румяной кулебякой с сомятиной, положила нам и в дорогу. Рано утром уже на телеге приехал Трофим Петрович. С большим трудом по распутью добрались до Воронежа, завезли багаж на кафедру. Был долгий разговор с профессором, как видно, довольным нашим устным пока отчётом. У меня же в ближайшие два-три дня при отходе ко сну перед смыкающимися глазами возникал неизбежный, широкий окаём, то заполненный ослепительно белым снегом, то непокорной и волнуемой на ветру водной стихией, несущей и закручивающей в разные стороны величавый хоровод огромных льдин. Одна за одной в меркнувшем сознании проплывали картины летящих журавлей, гусей и уток или в спорох тетерева, метание лисицы на островке, а то и запутанные строки следов на снегу, и многое другое, увиденное и испытанное впервые. Много раз потом довелось мне видеть красоту Жировского леса, но всё это было в цветущую летнюю пору, а вот в пору первых шагов весны и в половодье видеть уже не приходилось, да и другому кому теперь уже не придётся. Уже несколько лет, как кончились могучие разливы Дона и Воронежа, не откладывается здесь живительный ил на лугах и полянах Жировского леса, не освежаются озёра донской водой. Увы, на всём видны следы неразумного хозяйничанья, да и величавый тополь-патриарх – символ плодородия поймы – кем-то и по какому-то случаю был спилен, а Жировская и Киселёвская поляны распаханы под картошку.

1993 год